

Примечание автора

Некоторые отсылки к другим, более ранним произведениям этого жанра, которые можно встретить на страницах книги, помещены туда исключительно для драматических целей. Автор будет крайне опечален, если кто-то из читателей вдруг решит, будто он слишком глуп, чтобы наслаждаться плодами фантазии мистера Г. Дж. Уэллса, или чересчур неблагодарен, чтобы не отдавать тому дань уважения.

Глава I

Не успела гроза отгреметь, как путник сложил карту в карман, поправил на усталых плечах рюкзак и вышел из-под сени большого каштана напрямик на дорогу. На западе сквозь прорехи в тучах лился свет ярко-желтого заката, но впереди небо над холмами было свинцово-серым. С каждого листа и травинки падали капли, и дорога под ногами сияла речной лентой. Однако путник не стал тратить время на пустое любование пейзажем; он стремительно зашагал вперед с видом человека, которому предстоит пройти немало миль. Увы, так оно и было. Если путник вдруг оглянулся бы (чего он не сделал), то наверняка увидел бы вдали наддербийский церковный шпиль — и ругнулся бы в адрес недружелюбной гостиницы, где ему, невзирая на пустующие номера, отказали в ночлеге. Со времени последнего похода гостиница успела сменить владельца. Прежний добродушный старик куда-то пропал, и заправляла теперь всем, по словам официантки из бара, некая «леди». Видимо, эта особа была из когорты тех закостенелых британских отельеров, которые считают постояльцев досадной помехой своим делам. Единственной надеждой путника оставался Стерк по ту сторону холмов в шести милях отсюда. Судя по карте, там тоже имелась гостиница. Правда, нашему скитальцу хватало опыта не строить насчет нее чересчур радужных иллюзий.

Он шагал быстро и решительно, не озираясь по сторонам, как человек, слишком занятый своими мыслями. На вид ему, высокому и немного сутулому, можно было дать лет тридцать пять — сорок; заношенная одежда выдавала в нем представителя интел-

лигенции в отпуске. Возможно, врача или школьного учителя, хотя для первого ему не хватало солидности, а для второго — задорной искорки в глазах.

На самом деле он был филологом, преподавателем из Кембриджа, и звали его Рэнсом.

Покидая Наддерби, Рэнсом надеялся найти приют на одной из окрестных ферм, тогда не пришлось бы шагать до самого Стерка. Увы, по эту сторону холмов другого жилья было не видать. Во все края тянулись за чахлой оградой унылые грядки с капустой и репой, да кое-где торчали одинокие деревья. В отличие от земель к югу от Наддерби, эти места не могли похвастать плодородностью, а промышленный округ на севере, к которому относился Стерк, отгородился от здешней пустоши стеной холмов. Сумерки густели, понемногу замолкали птицы, и вокруг становилось все тише и тише. Только под ногами назойливо хрустел гравий.

Путник оставил за спиной уже мили две, как вдруг впереди блеснул огонек. Здесь, у подножия холмов, совсем стемнело, так что Рэнсом обрадовался, но когда подошел к источнику света ближе, понял, что его надеждам на большой фермерский коттедж не суждено сбыться — он обнаружил крохотный уродливый домик постройки прошлого века, сложенный из красного кирпича. Из открытых дверей вдруг выскочила женщина, едва не сбив Рэнсома с ног.

— О, простите, сэр! Я думала, это мой Гарри идет...

Рэнсом спросил, нельзя ли поблизости сыскать ночлег.

— Нет, сэр, — ответила та. — Только в Стерке. Или, мой вам совет, идите лучше назад в Наддерби...

Она говорила рассеянно, словно занятая своими не самыми веселыми мыслями.

Рэнсом пояснил, что в Наддерби ему отказали.

— Тогда даже не знаю, сэр... До самого Стерка другого жилья не сыскать, чтобы вам подошло. Да и нет здесь больше ничего, кроме «Холмов», где мой Гарри работает. Вы, небось, мимо него проходили, я поэтому и выскочила, как вас услышала, — думала, Гарри идет. Он уж давно должен был вернуться.

— «Холмы»? — переспросил Рэнсом. — А что это? Ферма? Там можно переночевать?

— Да что вы, сэр! С тех пор как мисс Элис померла, там и не живет никто, окромя профессора и того джентльмена из Лондона.

А они никого не принимают, сэр! Даже слуг не держат. Разве что мой Гарри у них за печками смотрит, и то его в дом не пускают!

— А как зовут профессора? — со слабой надеждой встрепенулся Рэнсом.

— Ох, не знаю я, сэр... — пожала плечами женщина. — Тот, второй джентльмен — мистер Дивайн. А про первого мой Гарри говорит, что он, мол, профессор. Только ж Гарри в этом ничего не смыслит, сэр. Слегка тугодум мой Гарри. Я поэтому и волнуюсь, что его до сих пор нет. Они ведь обещали, что в шесть вечера будут его отпускать. Он и так день-деньской на них трудится...

У женщины был чересчур скудный словарный запас, чтобы сполна передать ее эмоции, да и бубнящий голос не отличался выразительностью, но Рэнсом видел, как ее трясет; она чуть ли не рыдала. Наверное, с его стороны будет добрым поступком заглянуть в дом к таинственному профессору и велеть мальчику поскорей идти домой. Тем более что среди собратьев по профессии вполне можно рассчитывать на гостеприимство...

Мысль о ночевке под кровом «Холмов» выглядела столь приятной, что Рэнсом немедленно сообщил женщине о своих планах.

— Ох, не знаю даже, как вас, сэр, благодарить! Только не могли бы вы моего Гарри до самых ворот проводить и глянуть, чтобы он и впрямь домой пошел?.. А то он так профессора боится, что назад шмыгнет, стоит голову отвернуть!

Рэнсом заверил ее, что обязательно проводит мальчика, и, выведав, где находятся эти самые «Холмы» (в пяти минутах ходьбы отсюда, слева от дороги), расспрошался. Усталые ноги, пока он стоял на одном месте, успели вконец задеревенеть и переставлялись теперь с немалым трудом.

По левую сторону отчего-то не было видать ни малейшего проблеска света: только плоские поля да какое-то темное пятно; Рэнсом сперва принял его за рощицу. Спустя некоторое время (по ощущениям прошло куда более пяти минут) он понял, что ошибся — то была живая изгородь, посаженная ровным рядом, с крепкими белыми воротами посередине. Должно быть, это и есть те самые «Холмы» и за деревьями отыщется дом с садом. Ворота оказались заперты. На мгновение под натиском ночной тьмы и тишины Рэнсом оробел. Наверное, лучше продолжить путь и, невзирая на усталость, идти в Стерк. С другой стороны, слово, данное женщине... Тем более что преодолеть хилую изгородь при же-

лании не составит труда. Желания, правда, не было, ни малейшего. Хорошим же он выставит себя дураком, когда выползет из кустов, чтобы поведать какому-то престарелому чудику (а кто еще будет запирается на ночь в этой глуши?!), что его соседка бьется в истерике: мол, ее слабоумный сынок задержался на работе уже на полчаса! И все же слово надо держать. Рэнсом снял рюкзак с плеч и перебросил его на ту сторону, тем самым отрезая себе путь к отступлению: теперь придется идти в любом случае, хотя бы затем, чтобы забрать вещи. Изрядно осерчав и на женщину, и на себя, он встал на четвереньки и червяком пополз сквозь кусты.

Спустя несколько минут Рэнсому удалось выбраться во влажную тьму по ту сторону изгороди, изрядно пострадав от колючего терновника и крапивы. Он на ощупь подобрал рюкзак и, осмотревшись по сторонам, различил очертания большого каменного дома, перед которым простирался заросший неухоженный газон. Дорога под ногами делилась надвое: правая, изящно изгибаясь, вела к парадному входу, левая же уходила прямо, видимо, в хозяйственные постройки. Отчего-то вся она была изрыта (в ямах теперь плескалась вода), словно по ней то и дело ездили тяжелые грузовики. Другая же, по которой Рэнсом зашагал к дому, вся поросла мхом. Некоторые окна были заколочены, другие, напротив, зияли черными провалами без ставней и штор. О том, что дом все-таки обитаем, свидетельствовал лишь столб дыма, поднимающийся откуда-то позади — причем дыма очень густого, словно там находилась фабрика или как минимум прачечная, но никак не обычная кухня. В общем, «Холмы» выглядели не самым приятным пристанищем на ночь, и Рэнсом немедля повернул бы обратно, не держи его опрометчиво данное слово.

Он поднялся по трем ступенькам и позвонил в дверь. Не дождавшись ответа, позвонил еще раз и присел на деревянную скамью на крыльце. Сидел так долго, что, невзирая на теплую безоблачную ночь, испарина на лице успела высохнуть. Рэнсом очень устал, наверное, поэтому он и не спешил подниматься и звонить еще раз. Тем более что все вокруг — тихий сад, красивое звездное небо, случайное уханье совы — дышало покоем. Он даже задремал — и встрепенулся от неожиданных странных звуков. Шум стал громче: за домом кто-то то ли дрался, то ли играл в регби. И кри-

чал! Слов отсюда было не разобрать, однако свирепые вопли взбудораженных мужчин слышались безошибочно. Рэнсом вовсе не горел желанием вляпаться в какую-нибудь историю, но надо же все-таки понять, что там вообще происходит... Тем более что ночь прорезал новый отчаянный крик:

— Пустите! Пустите!

И потом, через секунду:

— Я туда не пойду! Я хочу домой!

Отшвырнув рюкзак, Рэнсом прыгнул с крыльца и ринулся в ту сторону, позабыв про негнувшиеся ноги. Расплескивая ботинками грязь на дорожке, выскочил во двор, где оказалось неожиданно много строений. Краем глаза он успел заметить высокую трубу, какую-то дверцу, подсвеченную изнутри красным, и огромный черный купол вроде миниатюрной обсерватории, закрывающий звезды.

Однако все это Рэнсом тут же выбросил из головы, потому что чуть не налетел на троицу сцепившихся в драке мужчин. С первого же взгляда стало понятно, что двое незнакомцев куда-то волокут того самого «тугодума» Гарри, а дурачок тщетно вырывается. Рэнсом хотел проорать во всю мощь легких: «А ну живо отпустили парня! Вы что это задумали?!» — но вышло лишь неубедительное восклицание: «Эй! Послушайте...»

Мужчины тут же отскочили от хнычущего парнишки.

— Позвольте спросить, — заговорил тот, что был выше и крепче сложен, — вы кто вообще, черт возьми, такой и что здесь забыли?

Басище у него был что надо — как раз такого Рэнсому не доставало.

— Я просто шел мимо. И пообещал бедной женщине...

— К черту вашу бедную женщину! Вы как сюда попали?

— Сквозь изгородь перелез, — огрызнулся Рэнсом, начиная злиться. — Не знаю, что вы делали с парнем, но...

— Давно надо было завести собаку, — не слушая Рэнсома, сказал бугай своему приятелю.

— Заводили уже. Вы сами решили использовать Таргара для опытов, — заговорил второй, до сей поры хранивший молчание.

Он практически не уступал первому ростом, хотя был худощавей и моложе. Его голос показался на удивление знакомым.

Рэнсом решил напомнить о себе:

— Слушайте, уже ночь на дворе, давно пора отпустить мальчишку домой. Я нисколько не намерен вмешиваться в ваши личные дела, но...

— Вы кто такой вообще?! — рявкнул толстяк.

— Меня зовут Рэнсом. И...

— Пойдите-ка! — перебил тощий. — Вы, случайно, в школе Уэйденоу не учились?

— Да, именно в ней, — удивился Рэнсом.

— А я-то смотрю, голос знакомый... Мое имя Дивайн. Помните такого?

— Да, конечно! Само собой, — отозвался Рэнсом, и они пожали друг другу руки с вымученной сердечностью, обычной для подобных встреч.

(Надо признать, к концу учебы Рэнсом не переваривал Дивайна на дух.)

— До чего трогательно, да? — хмыкнул тот. — Где бы еще довелось встретиться — духу товарищества прямо-таки дано воцариться под пальмой и сосною* на пустоши между Стерком и Наддери! Самое время с комком в горле вспомнить воскресные проповеди в родной школьной часовне... А с Уэстоном вы, наверное, не знакомы, нет?.. — Дивайн указал на своего громогласного приятеля-верзилу. — Итак, перед вами Уэстон. Тот самый! Величайший физик. Заткнет за пояс Эйнштейна и сожрет с потрохами Шредингера. Уэстон, позвольте представить моего школьного приятеля, Рэнсома. Доктора Элвина Рэнсома. Того самого! Величайшего филолога. Который заткнет за пояс Есперсена** и...

— Знать его не желаю! — отрезал Уэстон, все еще держа беднягу Гарри за шкуру. — Не ждите, что я начну рассыпаться в любезностях перед человеком, который только что вломился ко мне в дом. Плевать, в какой школе он учился и на какую ерунду тратит деньги, которых так не хватает настоящей науке. Пусть говорит, зачем явился, и проваливает на все четыре стороны.

— Уэстон, не будьте ослом! — произнес Дивайн неожиданно серьезным тоном. — Его визит очень даже кстати. Рэнсом, не бе-

* Цитата из известного стихотворения Р. Кипплинга «Отпустительная молитва», написанного в 1897 году к юбилею королевы Виктории.

** Йенс Отто Харри Есперсен — датский лингвист, автор ряда трудов по вопросам истории и теории английского языка. Самая известная его работа — «Философия грамматики».

рите в голову, не обижайтесь на Уэстона. Он, как говорится, под грозной внешностью прячет доброе сердце. Вы ведь не откажетесь выпить и поужинать?

— Благодарю за приглашение... Однако что насчет парнишки?..

— Он слабоумный, — пояснил Дивайн, увлекая Рэнсома за собой. — Обычно пашет как вол, но порой случаются припадки. Тогда мы затаскиваем его в душевую и запираем на часик, чтобы пришел в себя. В таком состоянии отпускать домой его нельзя. Если хотите, чуть позже сами парнишку и проводите. А потом вернетесь и переночуете у нас.

Рэнсом был немало озадачен: уж больно подозрительным и даже противозаконным душком отдавала вся эта ситуация. С другой стороны, как любой человек его возраста и образования, Рэнсом был уверен, что с противоправными деяниями можно столкнуться лишь в книгах, но никак не в реальности, и уж конечно же в темных делишках не могут быть замешаны старые школьные приятели и университетские профессора. Тем более, даже если над мальчишкой и впрямь издеваются, в одиночку его не отбить...

Дивайн тем временем вполголоса переговаривался с Уэстоном. Нельзя сказать, что они шептались: видимо, и впрямь обсуждали, как лучше устроить гостя на ночь. Наконец Уэстон недовольно буркнул в знак согласия. Рэнсому вдобавок ко всему стало еще и совестно: выходит, он напрашивается в гости. Он открыл было рот, когда Уэстон громко обратился к слабоумному парню:

— Натворил же ты сегодня дел, Гарри! В любой другой стране выпали бы тебе розог. Замолчи уже, хватит реветь! Не хочешь, не пойдешь в душевую...

— Это не душевая! — захныкал дурачок. — Совсем не душевая. Я в эту штуку больше не полезу.

— Он про лабораторию, — перебил Дивайн. — Залез туда как-то, и его случайно заперли на пару часов. А он отчего-то перепугался до полусмерти. Ну, вы знаете, «индеец бедный Бога в облаках находит»* и все такое... Гарри, слушай внимательно. Этот джентльмен сейчас отдохнет с полчасика и ответит тебя домой.

* Цитата из трактата «Опыт о человеке» Александра Поупа (1733—1734), обычно упоминается, когда речь заходит о суевериях, свойственных необразованному человеку.